

Алексей Тамзов

г. Ленинск-Кузнецкий

нарисованный отчаянием
и – надеждой. надеждой – вдвойне.

***

ах суетность, ах годы молодые:
я был никем, я побывал везде,
но тёк, не оставляя борозды я,
как масла капля по сковороде.

я был своим и никогда не нашим,
не автор фильма, а всегда помреж,
тебе я стал не бывшим, а бывавшим –
наскоками, мерцающе, промеж.

как груздь в груди моей растёт нерадость,
и орган речи больше не орган,
когда от праздника осталась малость
и ёлку разряжают, как наган.

***

Когда уже точно известно, что едешь –
это такое чувство...
Взгляд стекленеет, полуулыбка, как бы даже
худею,
и – привкус горечи. Да, исчезать – искусство,
и я им вполне овладел: то малое, чем владею.
Плыть в океане, лесами брести или –
с гор кричать.

Выкрикни наизнанку всего себя: слышишь
это?
Руки в стороны света и – привкус горечи,
а ведь казалось, всего-то делов – уехать.
Знать бы, что впереди – схоронился бы
взаперти,
только слышу голос – явственно, как
в бреду:
– Ты идешь? – беспокойно он мне
говорит, – иди!
– Да иду, успокойся уже, – говорю, – иду.

***

Где сквозь колки сосулук колких
метель шизит, как ранний Колтрейн,
по двести десять дней в году –
там, заметаемый порошей
я представлял (пустой, порожний)
Дхарамсалу и Катманду.
В постылом ледяном аду
я вспоминал об адском зное.

Прости, родная, я не ною,
я просто вот к чему веду:
среди житейской серой стыни
ты – словно горные твердыни,
маяк мой, мой ориентир.
И в новый, незнакомый мир
ты стала тем, мечтал о ком –
проводником.

Переезд

я смотрю окрест –
разбитной, поджарый,
мотающийся по стране.
и если один переезд
равен двум пожарам –
то у меня полнеба в огне.

и гроша не дашь
за приют случайный.
что я вижу в новом окне?
за окном – пейзаж,

***

Никосия

Он на одном конце города и она
на другом конце города открывают
мессенджер. В жизни обжѣгшись на
нескольких жидкостях, оба переживают.
Медленно выдыхают, заходят в чат.
Клавиши одновременно с разных концов
стучат:

– Помнишь, искала ссылку на фильм? Лови!

– В силе сегодня?

– Конечно!

– Закажем пиццу?

Вечером на диване сидят, как птицы:
в сердце навывлет стреляные воробьи.
Всё идеально. Только бы не влюбиться.
Больше не надо, мать её так, любви.

Стыд

обивая пороги,
бомжевать, бичевать,
да людские пороки
обличать, бичевать,
разевая хлебало,
говорить что попало –
и опять обивать.

то и верно – мы чаще
там увидим порок,
где шипяще, мычаще
нам укажет пророк.
и доселе бывает,
что и нам обивает
он, быкуя, порог.

с назревающим лаем,
босиком, босяком
он звонит.
нет числа им –
тем, звонит он по ком.
старомодно? возможно.
и, возможно, ****ёж, но –
не возитесь с замком.

Кипр. Обстановка, увы, неброска:
холодно, дождь неурочный сеет.
Я пишу тебе, милая, с перекрестка
улиц Патрокла и Одиссея.
Я стою, прислонившись спиной к границе:
крест с полумесяцем ныне опять полярны.
Перерублены улицы, лица, птицы –
как капилляры.
Кровью? Не кровью, водой умыта
улица Одиссея. Мокрая Никосия
смотрит сквозь струи, как новая Афродита
строго на север.
Не в Турцию.
На Россию.

Ждавшая

Не пришёл, хоть обещал,
не его вина:
взрыв, разорванный металл,
гадская война.
Как пережила печаль,
справилась с тоской –
без мужского-то плеча,
без руки мужской?
Как сквозь страх и боль, и мглу
делала дела,
говорила: «Не могу»,
и опять могла?
Как сквозь боль и страх, и ночь
ты за годом год
как-то продолжала мочь,
двигалась вперёд?
Вкалывать до тошноты,
сына поднимать...
«Не могу», – шептала ты,
и могла – опять.
Никуда не делась тьма,
страх, и боль, и вой.
Всё ты сделала – сама.
Из себя.
Собой.